

УДК 111

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ КАК ОСНОВАНИЕ ПОИСКА ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Глазырина А.М.

ГОУ ВПО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева»,
Нижегород, e-mail: nntu@nntu.nnov.ru

В статье анализируется дискурс современной маскулинности и феминности. Учитывая плюрализм гендерных форм и изменения гегемонных канонов женственности и мужественности в последние десятилетия, произошедшие под влиянием социальных трансформаций, актуальным является поиск идентичности постсоветского «настоящего» мужчины и женщины и выделение тех черт, которые соответствуют новым образам. Поскольку процессы глобализации оказывают решающее влияние на конфигурацию гендера, автор сначала определяет доминирующие гендерные модели в рамках мирового порядка, затем анализирует их в контексте российской действительности. Для разработки обозначенной проблемы автор использует идеи и методологические подходы, развиваемые в рамках конструктивистского дискурса. Это предполагает новое понимание субъективности: в противоположность модели классического феминистского субъекта как единого, в постфеминистском дискурсе субъект рассматривается как сконструированный множественный и фрагментарный. Это дает основание анализировать не только сами репрезентации маскулинности и феминности, но и те структурные условия и процессы, с помощью которых гендерные конструкции формируются и поддерживаются.

Ключевые слова: гендер, конструктивистский дискурс, гендерная идентичность, субъективность, маскулинность, феминность, нормативные каноны, гегемонные модели, социальный контекст, гендерный порядок

SOCIOCULTURAL CONTEXT AS BASE SEARCH GENDER IDENTITY

Glazyrina A.M.

Nizhegorodsky State Technical University n.a. R.E. Alekseev,
Nizhny Novgorod, e-mail: nntu@nntu.nnov.ru

The article covers analysis of present-day discourse of masculinity and femininity. The search of identity of post-soviet «true» man and woman and extraction of new-image traits is relevant considering pluralism of gender forms and a change of main canons of womanhood and manhood. As globalization has key influence on gender configuration, author determines dominate gender models first and then analyses them in Russian context. Constructive-discourse ideas and methods are used for that purpose. It surmises a new understanding of subjectivity: post-feministic discourse considers a subject as plural and fragmented against classic view where a subject is united. This makes it possible to analyze not only representations of masculinity and femininity but also conditions and processes which form and support gender constructs.

Keywords: gender, constructivist discourse, gender identity, subjectivity, masculinity, femininity, normative canons, hegemonic model, social context, gender order

Теоретические и эмпирические исследования содержания нормативных канонов маскулинности и феминности на сегодняшний день являются актуальным направлением в социальных науках. Осознавая множественность и фрагментарность практик и значений, составляющих эти понятия, автор определяет их как постоянно меняющуюся совокупность смыслов, которые мы конструируем в процессе социального взаимодействия. Мужественность и женственность историчны, зависят от социального контекста, культурно специфичны и конструируемы. «Из материала, который находится вокруг нас в нашей культуре (другие люди, идеи, предметы), мы активно творим наши миры, наши идентичности. Мужчины и женщины, как индивидуально, так и коллективно, обречены на изменение» [2, 39]. Такое понимание содержания рассматриваемых понятий отсылает нас к анализу со-

циокультурного контекста, который определяет формирование канонов маскулинности и феминности в нашем обществе.

Изменения в гендерных отношениях за последние десятилетия были существенны, по оценкам ряда исследователей «в мире происходит глобальная ломка традиционной системы разделения общественного труда, а также отношений власти между мужчинами и женщинами» [7, 55]. Понимание того, как процесс глобализации влияет на конфигурацию гендера, является необходимым базисом в исследованиях феминности и маскулинности. Межнациональные отношения, международная торговля, глобальные рынки – все это детерминирует формирование гендера и гендерных практик, поэтому важно выявить ряд общих тенденций в развитии мирового гендерного порядка.

1. Усилилась профессиональная активность женщин, возникает новое отношение

их к занятости. Теперь женщина не уходит с работы ни после замужества, ни после рождения первого и второго ребенка. Наоборот, женщины проявляют инициативу и стремятся занять высокие, сопряженные с повышенной ответственностью должности. Главными движущими мотивами при этом являются стремление получить доступ к общественной жизни, избежав «домашнего затворничества», обрести независимость по отношению к собственному супругу и, главное, с помощью профессиональной самореализации сформировать социальную идентичность. Так, женский труд стал общественной нормой и такой же легитимной ролью, как и роли матери и супруги, в результате традиционная система разделения гендерного труда была разрушена.

2. Похожая тенденция наблюдается и в политике: постепенно увеличивается количество женщин в этой сфере. Общее избирательное право, принцип гражданского равноправия, увеличение представительства женщин во властных структурах – общие тенденции нашего времени.

3. К факторам, обусловившим признание общественной значимости женской профессиональной и политической деятельности, относится повышение образовательного уровня. Начиная со второй половины двадцатого века все большее количество женщин получают образование. При этом главной их целью является не удачное замужество, как это было в прежние времена, а устройство после окончания учебного заведения на работу.

4. Параллельно с этими процессами произошла сексуальная революция, которая была прежде всего женской революцией. «В настоящее время наблюдается резкое уменьшение поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы, отношении к эротике и т.п.» [9, 25].

5. Логическим следствием, вытекающим из перечисленных тенденций, стала эволюция брачно-семейных отношений. Мужчины в большей степени, чем раньше, стали вовлекаться в домашнюю работу. Сегодня исключительно женские обязанности в прошлом, такие домашние дела, как мытье посуды, закупка продуктов, наведение чистоты в доме, выполняют мужчины. Отцы также в большей степени участвуют в воспитании и развитии детей. Таким образом, в современном браке стало гораздо больше равенства, чем раньше, а разделение домашних обязанностей является залогом семейного благополучия.

6. «Изменения в содержании и структуре гендерных ролей преломляются в социо-

культурных стереотипах маскулинности и феминности. Многие социально значимые черты и свойства личности считаются гендерно нейтральными или допускающими существенные социально-групповые и индивидуальные вариации» [7, 56]. Так, вовлеченная в сферу производственных отношений современная женщина развивает в себе новые, ранее считавшиеся типично мужскими качества: настойчивость, целеустремленность, решительность, силу воли, независимость во взглядах. В свою очередь мужчина все чаще демонстрирует гибкость, эмпатию, умение находить компромисс. Таким образом, мы наблюдаем смешение гендерных ролей, общей тенденцией современности становится универсализация человеческой личности.

Сдвиги в повседневной жизни повлекли за собой изменения и в языке науки. В конце 80-х – начале 90-х годов 20 века в рамках философской антропологии возникает гендерная теория субъекта. Ее значение состоит в том, что она выделяет новую философскую конструкцию субъективности – гендерную, до этого существовала бесполовая классическая, соответственно вводится в философской традиции и новый критерий – гендер, который обозначает «те социальные и культурные нормы, правила, которые общество предписывает людям в зависимости от их биологического пола» [6, 57]. Исходя из этого, понятия феминности и маскулинности определяются в зависимости от социокультурного контекста. В гендерной теории субъекта применяется также новый метод анализа – гендерный подход. «Его суть состоит в обнаружении и деконструкции гендерных дифференциаций в любом феномене культуры или социальной жизни и в анализе этого феномена с точки зрения критерия гендерного равенства / неравенства» [4, 11]. Это дает возможность анализировать современную культуру, выделяя и рассматривая отдельно женскую и мужскую литературу или искусство, женскую или мужскую политическую деятельность, проводить женские или мужские визуальные исследования. Важное методологическое значение для выявления гендерных параметров в структуре субъективности сыграли такие направления, как постмодернизм, психоанализ и феминизм. Кроме того, гендерная теория субъекта разрабатывается не только в рамках дискурса философии, но и других социальных дискурсов и дисциплин, реализуя так называемый междисциплинарный подход. Благодаря этому тенденцией последних десятилетий является отход от простого описания гендерных отношений и существующих

маскулинностей и феминностей к пониманию процессов, с помощью которых гендерные конструкции формируются и поддерживаются. Также происходит расширение границ исследования за счет движения от анализа региональных канон маскулости и феминности к пониманию мирового гендерного порядка. «В мире, где происходят процессы глобализации, мы должны принимать во внимание не только частности, но и весьма широкую сетку существующих структур. Мы можем проследить появление глобализующих маскулостей на различных стадиях исторического развития» [5, 851].

В современном мировом гендерном порядке гегемонные формы маскулости связаны с теми, кто контролирует доминирующие институты: с предпринимателями, которые выстраивают свой бизнес на глобальных рынках, а также с политическими деятелями, располагающими ресурсами власти. Роберт Коннел называет это транснациональной бизнес-маскулостью [5, 869]. Анализ современной деловой литературы по менеджменту, журналов по бизнес-тематике позволяет маркировать этот тип маскулости «как имеющий тенденцию к культивации эгоцентризма, к весьма избирательной лояльности, к уменьшению чувства ответственности перед другими. Также транснациональная бизнес-маскулость характеризуется стремлением к сексуальной свободе, усилением тенденции к потребительскому отношению к женщинам» [там же]. Доказательством приведенного тезиса является факт распространения порнографического видео, а также индустрии проституции в отелях, ориентированных на бизнес-клиентуру.

Другой формой гегемонной маскулости, конкурирующей с указанной выше, является маскулость военного типа. Ее развитие связано с появлением гендерной нестабильности, характеризующей мировой гендерный порядок с тех пор, как была разрушена локальная гендерная доминация мужчин и устойчивые гендерные идентичности. Транслирует этот тип маскулости ультраправое «народное ополчение» в Соединенных Штатах или другой пример – движение Талибан в современном Афганистане.

Кроме этого, на международной арене можно выделить не только гегемонные маскулости, но и другие формы, которые составляют им оппозицию. В частности широкое распространение приобретают гей- или квир-идентичности – конструкции идентичностей субъектов негетеросексуальной ориентации. Их появление детерминировано изменениями в культуре, преодо-

лением традиционных бинарных оппозиций мужского/женского и в целом усложнением структур субъективности [5, 270].

Таким образом, «глобальный гендерный порядок включает в себя плюральность гендерных форм и не сводится к одному фиксированному типу» [3, 39]. Это предопределяет создание демократического гендерного порядка. Также надо понимать, что в различных частях мировой системы получают распространение уже вариации указанных типов, при этом гегемония их постоянно меняется. Так, Роберт Коннел выделяет конфуцианский вариант в Восточной Азии, для которого характерны строгие иерархии и социальный консенсус, в некоторых частях света актуален конфликт между бизнесом и политическим лидерством, в котором отражается конфликт двух указанных выше форм маскулости. Что касается развития гендерного порядка российского общества, то здесь также можно выделить свои характерные особенности, на которых автор остановится подробнее.

В условиях социальной нестабильности в российском обществе и развития криминальных структур в 1990-х годах имидж гегемонной маскулости был модернизирован – популярной стала бандитская маскулость. «В ней сочетался культ жестокости и физического насилия с идеями воинского братства (по афганскому образцу)» [7, 93]. В российском медиа-дискурсе темы преступности и криминала становятся основным семиотическим ресурсом. Многочисленные программы («Частный детектив», «Человек и Закон», «Момент истины», «Дежурная часть», «Чрезвычайное происшествие»), а также фильмы, ставшие кинохитами («Брат», «Бумер», «Бригада», «Побег», «Бой с тенью», «Антикиллер»), популяризировали агрессивный канон супермаскулости и стоящие за ней ценности насилия, борьбы за власть, завоевательной сексуальности. Так основным слоганом в фильме «Бумер» становятся слова: «Это не мы, это жизнь такая». Затем был сформулирован другой социальный заказ на фильмы и сериалы, героями которых стали новые силовики, организационно связанные с государством: «менты», разведчики, сотрудники спецслужб (телесериалы «Убойная сила», «Улицы разбитых фонарей», «Тайны следствия»).

Также в российской культуре глубоко укоренен образ простого мужика – «это значимая маркировка русскости» [там же]. Для него характерна от природы данная физическая сила, грубая речь, повышенная сексуальность, любовь к спиртному. Как правило, его деятельность связана с тяжелым

физическим трудом, поэтому для него не является приоритетной забота о собственной внешности и одежде. Свободное время он предпочитает проводить в компании своих друзей. Этот образ встречается не только в быту, но и популяризируется в кино, коммерческой рекламе. Так, в рекламной кампании движения «Единство» на выборах 2001 года активно эксплуатировались образы «мужика» и «медведя». В российском шоу-бизнесе воплощением этого типа маскулинности является группа «Любэ».

С развитием рыночных отношений в России возникает новый канон маскулинности, который можно определить как «рыночный». Пространство, в котором он развивается, – это рынок и общественная сфера, поэтому для этого канона маскулинности характерны и соответствующие черты: конкуренция, агрессия, тревожность и, главное, высокая потребительская активность. Корпоративным стандартом этой формы маскулинности являются товары престижных марок и высокой цены, которые выполняют прежде всего идентификационную функцию, показывая высокий статус их владельца и только потом свое прямое утилитарное назначение.

Рассмотрение канонов маскулинности, характерных для российского общества, а также гегемонных форм, представленных в масштабах мирового гендерного порядка, позволяет сделать вывод о том, что в культуре сосуществуют рядом различные формы маскулинности и их гегемония может постоянно меняться в зависимости от изменения гендерных значений и социального контекста. Распространенное в наши дни утверждение о кризисе маскулинности является, прежде всего, кризисом привычного гендерного порядка. Изменились социальные условия, поэтому ориентация на традиционные каноны вызывает социально-психологические трудности у мужчин. Они вынуждены перестраивать свою систему ценностей и осуществлять поиск своей идентичности в другой системе координат, формируя тем самым новые каноны мужественности.

Что касается нормативных форм феминности, распространенных в наше время, то здесь наблюдается похожая картина. Гендерная идентификация женщины значительно осложняется из-за несоответствия сложившегося образа «Я» с изменившимся социально-культурным контекстом. Ценности, которые раньше направляли поступки людей, устаревают. Реакцией на новую ситуацию является поиск новых канонов феминности.

Так в 90-е годы перестройки в России появляется новый тип женщины, которая

в силу социальной напряженности вынуждена формировать свою идентичность по мужской модели, воспитывая в себе традиционно мужские качества. Этот канон феминности ряд исследователей определяет, как «рационально-рыночный». Женщина, идентифицирующая себя с ним, ориентирована на продвижение по карьерной лестнице и занятие высоких должностей. Она демонстрирует такие качества, как уверенность, умение владеть собой, решительность, целеустремленность, практичность, деловитость, независимость во взглядах и суждениях. По оценкам психологов, такая женщина хорошо справляется с ролью руководителя и может эффективно вести свой бизнес. Так, по данным Общероссийской общественной организации «Женщины бизнеса» количество компаний, возглавляемых женщинами в нашей стране, растет на 17% каждый год.

Другой канон феминности в российском обществе связан с образом модели. Его формирование детерминировано изменениями мирового гендерного порядка. Двадцатый век знаменует собой отказ от восприятия женской красоты как фатальной и роковой, наступает «эйфорическая» культура, свободная от двойственности. В живописи и кинематографе больше не репрезентируются образы инфернальной красоты, наоборот, теперь она символизирует социальный успех и открывает путь к достатку и удачам в личной и общественной сферах. «Новый статус красоты нераздельно связан с современным процессом секуляризации и эмансипации представлений о женском теле от христианской традиции, видящей в нем корень зла, а также с процессом распада культуры секса как греха и формирования культуры секса как удовольствия» [8, 259]. Популяризация образа модели – это отражение все более возрастающей ценности, какой наделяют физический облик, стройность и молодость тела в нашем обществе. Женская красота теперь дает возможность завоевать общественное признание и получить не меньшую известность, чем известность мужчин-политиков или мужчин-бизнесменов. «Реклама, максимально приблизив объектив камеры, сделала возможным близкое рассматривание помещенных в фокус тел и лиц. Она разбила женщину на отдельные фрагменты, создав образ красоты, подобной собираемой из разных частей головоломке. Сконструированное рекламой, мозаичное тело, транслирует послание о том, что каждая женщина может стать похожей на модель» [1, 64].

Параллельно с описанными типами в современном обществе продолжает

существовать традиционный канон феминности, связанный с ролями матери и супруги. Он утратил свою гегемонию в связи с изменением институтов общественного устройства. Как упоминалось выше, формами, позволившими женщине получить свободу распоряжаться собой, являются легитимация учебы и их труда, изменение общественного строя, право на сексуальную свободу, контроль над рождаемостью. Таковы институты, которые сформировали новую модель женской субъективности, Жиль Липовецкий называет ее «третьей женщиной», обретающей собственную идентичность посредством разных инструментов [8, 271].

В заключение теоретического исследования можно констатировать, что женская и мужская субъективность не является статичной и подвержена изменениям, обусловленным процессами глобализации, определяющими мировой гендерный порядок, а также национально-культурными особенностями. Кроме того, выбор той или иной идентичности варьируется в зависимости от социального положения и образовательного уровня людей. Так, более образованные мужчины в редком случае будут идентифицировать себя с канонами маскулинности «простого мужика». Их стили жизни являются более разнообразными. Не менее важный водораздел – социально-возрастной. Тип феминности, связанный с образами модели, характерен в первую очередь для молодых женщин. И наконец, важно понимать, что независимо от культурного контекста выбор той или иной модели субъективности имеет свои индивидуально-личностные и психофизиологические предпосылки. Гендер как постоянно воспроизводящаяся система конструирования идентичности человека предоставляет возможность каждому определить для себя самостоятельно, что значит быть для него (нее) мужчиной или женщиной.

Список литературы

1. Альчук А. Женщина и визуальные знаки. – М.: Идея-Пресс, 2000.
2. Берд Ш., Жеребкин С. Наслаждение быть мужчиной: Западные теории маскулинности и постсоветские практики. – СПб.: Алетейя, 2008.

3. Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности: пер с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.

4. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. – СПб.: Алетейя, 2007.

5. Жеребкин С.В. Введение в гендерные исследования. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.

6. Ильин Е.П. Пол и гендер. – СПб.: Изд-во Питер, 2010.

7. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Изд-во Время, 2009.

8. Липовецкий, Ж. Третья женщина. Незыблимость и потрясение основ женственности. – СПб.: Алетейя, 2003.

9. Римашевская Н.М., Луныкова Л.Г. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования. – М.: Наука, 2009.

References

1. Al'chuk A. Zhenshchina i vizual'nye znaki. M.: Ideya-Press, 2000.

2. Berd Sh., Zherebkin S. Naslazhdenie byt' muzhchinoy: Zapadnye teorii maskulinnosti i postsovetskie praktiki. SPb.: Aleteyya, 2008.

3. Gilmor D. Stanovlenie muzhestvennosti: kul'turnye koncepty maskulinnosti. Per s angl. M.: «Rossiyskaya politicheskaya ensiklopediya» (ROSSPEN), 2005.

4. Zherebkina I. Sub'ektivnost' i gender: gendernaya teoriya sub'ekta v sovremennoy filosofskoy antropologii. SPb.: Aleteyya, 2007.

5. Zherebkin S.V. Vvedenie v gendernye issledovaniya. Char'kov: ChZGI; SPb.: Aleteyya, 2001.

6. Il'in E.P. Pol i gender. Izd-vo Piter, 2010.

7. Kon I.S. Muzhchina v menyayuschemsya mire. Izd-vo Vremya, 2009.

8. Lipovezkiy Zh. Tret'ya zhenshchina. Nezyblimost' i potryasenie osnov zhenstvennosti. SPb.: Aleteyya, 2003.

9. Rimashevskaya N.M., Lunyakova L.G. Gendernye stereotipy v menyayuschemsya obschestve: opyt kompleksnogo sozial'nogo issledovaniya. M.: Nauka, 2009.

Рецензенты:

Бекарев А.М., д.ф.н., профессор кафедры социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Национальный исследовательский университет, г. Нижний Новгород;

Щуров В.А., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой социальной философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Национальный исследовательский университет, г. Нижний Новгород.

Работа поступила в редакцию 02.12.2014.